

ВИКТОР ГЮГО

Париж

[211]

ИЛ 3/2020

Предисловие к *Путеводителю*

Перевод Ирины Волевич

I. Будущее

В двадцатом веке возникнет необыкновенная нация. Эта нация станет великой, что не помешает ей быть свободной. Она будет блистательной, богатой, свободомыслящей, миролюбивой, благосклонной ко всему человечеству. Ей будет свойственно снисходительное достоинство старшей среди младших. Прославленная мощь конических снарядов прошлого внушит ей удивление; она не сможет отличить генерала от мясника, не найдя большой разницы между пурпурным плащом первого и красным фартуком второго. Битвы между итальянцами и немцами, англичанами и русскими, пруссаками и французами покажутся ей столь же нелепыми, как нам — битва пикардийцев с бургундцами. Она сочтет человеческое кровопролитие абсолютно бессмысленным. И вряд ли отнесется с должным восхищением к огромным цифрам человеческих потерь. Мы пожимаем плечами, говоря об инквизиции, вот так же поступит и она, говоря о войнах. <...> Она назовет абсурдом колебание весов победы, неизменно ведущее к мрачным потугам вернуть былое равновесие точно так же, как они вечно колеблутся между Аустерлицем и Ватерлоо. Она отнесется к институту “власти” примерно с таким же уважением, как мы — к ортодоксии: судебный процесс против прессы покажется ей дикостью, как нам — процесс против ереси: она осудит преследование писателей, как мы осуждали преследование астрономов, и, не видя различий между Беранже и Галилеем, не поймет причин заключения Беранже в камеру, как и Галилея — в

© Ирина Волевич. Перевод, 2020

Виктор Гюго (Victor Hugo, 1802–1885) — поэт, прозаик и драматург. Перевод выполнен по изданию “Paris-Guide par les principaux écrivains et artistes de la France”. — Paris: Librairie internationale; A. Lacroix, Verboeckhoven et Cie, éditeurs, 1867.

темницу. <...> Ибо ею будет руководить высшая справедливость — справедливость доброты. Она будет стыдиться варварства и заклеямит его. Ее оскорбит зрелище воздвигнутого эшафота. При этой нации карательная система найдет свой конец в расцвете просвещения и исчезнет бесследно, как ночной иней под утренним солнцем. Прогресс вытеснит стагнацию. Никому больше не будет заказан путь к развитию. <...> Народ, вспоровший чрево ночи и вырвавший из ее мрака ослепительный свет разума на благо рода человеческого, — такую будет эта новая нация.

Столицей этой нации станет Париж, и нация эта уже не захочет именоваться Францией, но назовет себя Европой — Европой двадцатого века. А во всех последующих веках, достигнув еще большего совершенства, наречет себя Человечеством.

Такое Человечество, как окончательно сформировавшееся сообщество, уже сегодня провидят мыслители, эти созерцатели невидимого; именно наш девятнадцатый век становится свидетелем формирования новой, единой Европы.

Величественный призрак грядущего... В зарождении народов, как и в зарождении отдельных существ, рано или поздно наступает тот высший момент истины, когда тайна позволяет, наконец, взглянуть на себя. В настоящее время этот царственный зародыш уже существует в теле современной цивилизации. В нем вызревает новая Европа — народ, который станет идеальной Францией. <...> И эта будущая нация трепещет во чреве нынешней Европы, как бабочка, рождающаяся из куколки гусеницы. В грядущем веке она расправит оба свои крыла — крыло свободы и крыло воли.

Континент всеобщего братства — таково ее будущее. И к этому нужно быть готовым, ибо его наступление предрешено.

Однако, еще не получив свой народ, Европа уже получила свой город. Столица, чье население еще не существует, уже существует. Это кажется чудом, но таков закон природы. Зародыш наций ведет себя подобно человеческому зародышу: таинственное развитие эмбриона всегда начинается с головы.

II. Прошлое

I.

Есть такие точки на земном шаре, такие ложбины, такие склоны холмов и притоки рек, в которых заложено некое

предназначение. Они сочетаются друг с другом, чтобы создать народ. В этих уединенных местах таится непостижимая притягательная сила. Первый появившийся путник остается здесь навсегда. Иногда одной хижины бывает достаточно, чтобы создать зародыш города. Мыслители умеют находить места этих таинственных кладок. В одном таком месте из яйца выйdet варварство, в другом — гуманность. Тут возникнет Карфаген, там воздвигнется Иерусалим. Один город можно назвать чудовищным, другой чудесным. Карфаген родился из моря, Иерусалим — из горы. Иногда окружающий пейзаж выглядит величественным, иногда — жалким. Однако последнее — не причина для уничтожения зародыша. Взгляните на эту местность. Что вы о ней скажете? Да ровно ничего. Там и сям какие-то кустики. Но не спешите с выводами. В таких кустиках может вызревать будущее города. Пока он мал, его оберегает мягкий климат. Равнина служит ему материнским лonom, река — кормилицей. Они питают его, он растет, ширится. Еще мгновение — и перед вами Париж. Род человеческий стекается в него, дабы осесть навечно. Вихрь столетий обретает здесь свое гнездо. Одна история накладывается на другую. Прошлое — иногда мрачное — внедряется в его почву. И все это — Париж. Это наводит на размышления. Каким образом возникла здесь столь блистательная столица? Однако у этого города есть одно неудобное свойство. Тому, кто им владеет, он дарует целый мир. Но если им овладели преступным путем, он отдаст свой мир преступлению.

II.

Париж напоминает заброшенный колодец.

Его история — микрокосм мировой истории — временами внушает страх.

История эта, более чем все другие, являет собой образец и пример для подражания. Любой мелкий факт обретает здесь космический смысл. На каждой стадии эта история свидетельствует о наступлении прогресса. Здесь есть все, чем обладают другие города. Подчеркивая тот или иной факт, история подводит итоги. Каждое событие преломляется по-своему, но все они отражены в ней. Все кажутся уменьшенными, но в то же время и преувеличенными. Это зрелище и пугает и зачаровывает.

История Парижа, если расчищать ее, как расчистили бы Геркуланум, заставит вас непрерывно возвращаться к началу. Оно, это начало, покоится под толщей наносов, под древними каменными гробницами и путаницей лабиринтов <...>.

Вскройте фундамент дома – и под ним вы обнаружите крипту, под криптой – пещеру, под пещерой – захоронения, под захоронениями – бездонный провал. Провал – это неизвестная нам кельтская цивилизация. Обследовать их все почти невозможно. <...>

III.

У того, кто заглянет в бездну, называемую историей Парижа, голова пойдет кругом. В мире нет ничего более фантастического, более трагичного, более великолепного. Для Цезаря это был город-данник, для Юлиана – загородный дом, для Карла Великого – школа, где он собрал ученых мужей из Германии и итальянских певчих, <...> для Гуго Капета – семейная усадьба, для Людовика VI – пристань, где в его казну взимали пошлину, для Филиппа Августа – крепость, для Людовика Святого – часовня, для Людовика Сварливого – место казней, для Карла V – библиотека, для Людовика XI – печатня, для Франциска I – питейное заведение, для Ришелье – академия; Париж для Людовика XIV – это место заседаний Парламента и чрезвычайного суда в присутствии монарха, а для Бонапарта – перекресток его военных дорог. Рождение Парижа сопряжено с падением Рима. Мраморная статуя римской матроны, умершей в Лютении, на протяжении двадцати веков покоилась в древних недрах парижской земли <...>, – ее обнаружили на улице Монтолон, при раскопках. Консул Боэций¹ называл Париж “городом Юлия”. Тиберий, можно сказать, заложил первый камень в основание собора Парижской Богоматери: он счел это место подходящим для храма и приказал воздвигнуть там алтарь для жертвоприношений богу Цереннусу и быку Эзосу. На горе Святой Женевьевы поклонялись Меркурию, на острове Лувье² – Изиде, на улице Барийери – Аполлону. А там, где ныне раскинулся сад Тюильри, воздавали почести императору Каракалле. <...> Продавцы воды, получившие прозвище “nautes”³, на пят-

1. Аниций Манлий Торкват Северин Боэций (Boethius, ок. 480–524) – римский государственный деятель, философ-неоплатоник, христианский теолог. В 523-м или 524 году в результате придворной интриги был обвинен в государственной измене, заключен в тюрьму и казнен. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

2. Остров Лувье, расположенный рядом с островом Сите, в XIX в. был частично засыпан вместе с узким рукавом Сены, а оставшаяся часть присоединена к берегу.

3. “Naute” (водонос), вероятно, происходит от латинского “nautilus” (водный, морской).

надцать столетий опередили Самаритянку¹. На улице Сен-Жан-де-Бове располагалась этруская гончарная мастерская, на улице Фоссе-Сен-Виктор — арена для гладиаторских боев, а в Термах был акведук, откуда вода поступала в Иври, Гренель, Севр и на холм Сетар².

Египет был представлен в Лютеции не только богиней Изидой: согласно старинным источникам, вместе с илом в Сену некогда попал живой крокодил; еще в шестнадцатом веке можно было увидеть сделанное из него чучело, подвешенное к потолку главного зала Дворца правосудия. <...>

IV.

Подземный Париж скрывает многое, в его недрах таится все бывшее. Если бы сточные канавы могли говорить, сколько интересных историй они бы нам поведали! Попросите тряпичника Шодрюка-Дюкло³ покопаться в многовековой мусорной куче на углу улицы, рядом с местом казни Равальяка!⁴ Какой бы непроницаемо темной ни была история, и в ней можно найти просветы, стоит лишь внимательнее приглядеться. Все, что мертво, ибо давно свершилось, достаточно живо, чтобы послужить уроком на будущее. Главное, не выбирать — смотрите, и случай поможет вам найти искомое.

V.

Сквозь современный Париж проглядывает древний — так старинный текст можно различить между строками палимпсеста. Уберите со стрелки Сите статую Генриха IV, и вы увидите пепел костра Жака де Моле⁵ <...>. В 1667 году Двор Чудес —

1. Самаритянку называли монументальную водонапорную башню на сваях, выстроенную в Париже в начале XVII в. Она снабжала водой районы Лувра и Шатле. Башню украшала скульптура, которая воспроизводила евангельский сюжет: Христос и самаритянка у колодца Иакова.

2. От французского "Mont Cetaryd" произошло современное название улицы Муфтар в V округе Парижа.

3. Шодрюк-Дюкло (1780—1842) — государственный деятель, ярый роялист и антибонапартист. Считая, что правительство Бурбонов недостаточно оценило его заслуги, он в виде протеста демонстративно ходил по Парижу в грязных лохмотьях.

4. Франсуа Равальяк (1578—1610) — убийца короля Генриха IV. По приговору парижского парламента был подвергнут страшным пыткам и казнен на Гревской площади (с 1803 г. — площадь Отель-де-Виль).

5. Жак де Моле (1244—1314) — двадцать третий и последний Магистр ордена Тамплиеров, был заживо сожжен на Камышовом острове Сены 18 марта 1314 г., во времена правления Филиппа Красивого.

эта мерзостная клоака — еще существовал наряду с придворными “каруселями”¹ Людовика XIV. Древняя парижская земля — настоящая сокровищница событий, законов, нравов и обычаев: здесь всё — материал для философа.

Впрочем, убедитесь сами. Вот на этом месте располагался Свиной рынок, а там, в железном котле, варили живьем фальшивомонетчиков — из простонародья, отнюдь не из числа тех правителей, что пускались на всевозможные денежные подделки, вплоть до изобретения черного турецкого ливра, а в XIV веке ухитрились за полвека семь раз поставить государственную казну на грань банкротства. <...>

VI.

В центре того, что называлось тогда просто городом (то есть не относилось к Сите), находилось так называемое “зловонное кострище” — место, где поджарили на огне из зеленых веток, политых смолой, великое множество евреев, коим ставилась в вину антропомантия², а также, по словам советника Де л’Анкра, “нечеловеческая жестокость по отношению к христианам, неподобающий образ жизни, синагоги, негодные Богу, гнусность и вонь”. Чуть дальше, на углу улицы Гро-Шене, сжигали колдунов перед позолоченным разноцветным барельефом, который приписывали Николаю Фламелью; на нем был изображен огромный, как мельничный жернов, огненный метеор, упавший на Эгос-Потамос в ночь, когда родился Сократ³. <...>

X.

Что за бездна это прошлое! Мрачный спуск в адскую пропасть, — сам Данте не решился бы на такое. Вот где настоя-

1. Двор чудес — в Средние века и позже название нескольких парижских кварталов, заселенных нищими, бродягами, ворами, публичными женщинами и прочими отбросами общества (см. описание в романе В. Гюго “Собор Парижской Богоматери”). “Каруселью” в XVI—XVII вв. называли род “конного балета” — празднично-карнавальную кавалькаду, нечто среднее между спортивным праздником и маскарадом.

2. Антропомантия (от *греч.* *anthropos* — человек, и *manteia* — гадание) — гадание по внутренностям только что умерших людей, особенно детей.

3. Никола Фламель (1330—1418) — легендарный французский алхимик, которому приписывали изобретение философского камня и эликсира жизни; В 465 году до н. э. близ Эгос-Потамоса, недалеко от современного Галиполи, действительно упал метеорит, что было зафиксировано в греческих литературных источниках. Сократ родился в 470 (469) г. до н. э.

щие катакомбы Парижа. История не знает более жуткой преисподней. Ни один лабиринт не сравнится своими ужасами с этим хранилищем былого, где угнездились сонмы доселе не истребленных, живучих предрассудков. Это прошлое как будто умерло, однако его труп еще существует, и тот, кто раскапывает древний Париж, непременно столкнется с ним. Впрочем, слово “труп” мало о чем говорит: здесь напрашивается множественное число. Мертвые заблуждения, мертвые трагедии образуют гигантский Монфокон, заполняя собой подземелья, именуемые анналами Парижа. Здесь скопились все суеверия, все фантазмы, все религиозные басни, все легальные фикции, все “антики”, называемые священными, все правила, коды, нравы и догмы, и со всех сторон, отовсюду из мрачных провалов доносятся зловещие смешки, исходящие из пустых черепов. Увы! Злосчастные правители, умножая свои несправедливые деяния, забывают или не сознают, что где-то им ведется счет. Все эти злодеяния тиранов, эти королевские указы и ордонансы, эти Венсеннские замки, этот донжон Тампля, где Жак де Моле предрек королю Франции скорую встречу с Господом, этот Монфокон, где повесили Ангеррана де Мариньи, который его построил, эта Бастилия, куда заключили ее создателя Уго Обрио¹, эти темницы, подобные колодцам, и “одиночки”, подобные свинцовым застенкам Венеции, это обилие башенок — одни для молитв, другие для заключения, это разнообразие колокольных звонов на все случаи жизни, от свадебных до погребальных, на протяжении двенадцати сотен лет, эти пытки и казни на виселице и на дыбе, эти сладострастные утехы, эта нагая Диана в Лувре, <...> это непреложное убеждение, что все принадлежит королям, эти свершенные глупости и черные, постыдные дела, трусливые предательства, конфискации, преследования и нарушение законов — все эти порождения мрака, скрыто накапливаясь из века в век, привели, наконец, к страшному итогу — 1789.

1. Жак де Моле, Великий Магистр ордена Тамплиеров, охваченный пламенем костра, предсказал королю Филиппу IV скорую смерть, которая и последовала менее чем через год. Ангерран де Мариньи (1260–1315) — камергер, министр и хранитель печати короля Филиппа IV. Был повешен по ложному обвинению в колдовстве при следующем короле Людовике X. Уго Обрио (1315–1388), построивший Бастилию, стал первым ее узником: его обвинили в связи с еврейкой и осквернении религиозных святынь. Просидев в тюрьме 4 года, Обрио был освобожден в 1381 г., когда в Париже вспыхнуло очередное восстание.

III. Верховенство Парижа

[218]

ИЛ 3/2020

I.

1789 год. Вот уже скоро век, как эта дата занимает умы человечества. Любое современное событие находит в ней свое отражение.

Такие числа требуют расплаты.

Так платите же.

И не пытайтесь обойти эти непререкаемые цифры. Стоит уклониться, как они возрастают: внезапно вместо 89 должник видит 93.

Вы спросите: почему выше мы вспоминали исторические события, почерпнутые наугад в сумасшедшей неразберихе прошлого, — все эти события, не считая великого множества других? Потому что они всё объясняют. Потому что их источник — деспотия, а их устье — демократия.

Без них, без этой итоговой цифры 89, верховенство Парижа необъяснимо. Вдумайтесь: Рим затмевает его величием, Трир — древностью, Венеция — красотой, Неаполь — очарованием, Лондон — богатством. Так что же возвышает среди них Париж? — Революция.

Париж — это город-ось, на которой история совершила крутой разворот. У Палермо есть Этна, у Парижа — мысль. Константинополь ближе к солнцу, Париж — к цивилизации. Афины возвели Парфенон, зато Париж разрушил Бастилию.

Жорж Санд блестяще рассуждает где-то о предшествующих жизнях. Эти “подготовительные” этапы существования, род постепенных прикидок судьбы, характерны как для людей, так и для городов. Париж друидов, Париж римлян, Париж Каролингов, Париж феодалов, Париж монархов, Париж философов, Париж революционеров — какой медленный, но величественный подъем из мрака к вершине!

II.

Хотите уяснить себе, что такое эта столица? Проведите один странный эксперимент: сравните ее с Францией. И сразу же возникнет вопрос: кто из них мать, а кто — дочь? Патетическая загадка, приводящая в смятение мыслителя.

Эти две великанши находятся в постоянной борьбе. И которая же из них виновна в этом кошунстве?

“Виданное ли дело?!” — воскликнете вы. Да. Более того, это почти нормально; Париж не оглядываясь идет вперед,

Франция поневоле следует за ним; сперва это ее озлобляет, потом она смиряется и ликует; это одна из традиций нашей национальной жизни. Вот мчится дилижанс с флагом — он едет из Парижа. Но флаг уже не просто флаг — это пламя, от которого вспыхивает каждый, кто оказывается на его пути.

“Всегда желать” — вот лозунг Парижа. Вам кажется, что год спит? — Нет, его снедает желание перемен. Неослабная энергия Парижа — вот чего до конца не понимали все его правительства. Париж постоянно к чему-то готовится. Он обладает терпением солнца, неспешно растящего плод. Проплывающие облака иногда заслоняют светило. Но вот в один прекрасный день плод поспел. И Париж объявляет о событии. А Франция, внезапно поставленная перед фактом, покрывается. Вот потому-то у Парижа и нет городского совета. <...>

IV.

Никто не станет отрицать, что французская Революция — это начало. “Nescio quid majus nascitur Piade”¹. Отметим слово “Nescio”, оно означает “Рождение”, оно сопряжено с понятием освобождения. Сказать, что мать освободилась от бремени, значит сказать: родился ребенок. Сказать, что Франция освободилась, значит сказать: родилась возвышенная, зрелая человеческая душа. Ибо подлинное рождение — это зрелость.

14 июля 1789 — вот он, великий миг зрелости.

Кто же создал 14 июля в Париже?

Огромная государственная парижская тюрьма олицетворяла собою всеобщее рабство.

Париж, как бы заключенный в тюрьму, — этого втайне желали все правители Франции. Чинить препятствия тем, кто вам препятствует, — вот основа политики. В центре города — крепость Бастилия, по окраинам крепостные валы, — с этим удобно царствовать. Париж в застенке — извечная мечта королей. Застывший монастырский устав — такое существование хотели навязать и Парижу. Отсюда множество мер, препятствующих разрастанию этого города: повсюду стены, перемежающиеся башнями. Вначале римский круговой вал, <...> который позже сменили крепостные стены времен Людовика VII, затем Филиппа Августа, затем короля Иоанна, затем Карла V, еще позже — таможенная стена 1786 года и, наконец, нынешние эскарп и контрэскарп. Монархия постоянно обноси-

1. Родается нечто, более великое, чем “Илиада” (лат.).

ла Париж стенами, а философия постоянно их сносила. Каким образом? Да попросту силой мысли. Ибо в мире нет более могущественной силы. Свет разума способен сокрушать камни.

Итак, первый способ совладать с Парижем — это огородить его, а второй — понизить его статус. Те, кто боялся Парижа, прибегли к ним обоим. Обескровить этот ужасный и удивительный город — почему бы нет? И такие попытки были. Собрания Генеральных штатов проводили в Блуа; Бурж объявлялся столицей; время от времени короли отсылали парламент в Понтуаэ; подумывали даже о Версале. В наши дни возник план переноса Политехнической школы в Орлеан, факультета права — в Руан, а медицинского — в Тур. Институт¹ сюда, кассационный суд туда, и так далее. Таким образом, власти пытались разъять Париж на части — как распиливают крупные алмазы. Один, цельный Париж хотели превратить в два десятка мелких. <...>

Но Париж и не думал исчезать. Напротив, он вышел из 93 года с огненной метой на челе. В мире извечно существовало то, что звалось Городом. *Urbs résumé orbis* — город воплощает в себе весь мир. Это мыслящий орган страны. Он необходим как генератор идей, инициативы, воли и свободы, который действует, когда человечество бодрствует, и как генератор грёз — когда оно спит. Страна без столицы подобна обезглавленному телу. Невозможно представить себе цивилизацию, лишённую мозга. Людям нужен Город, чтобы почувствовать себя гражданами. Род людской нуждается в универсальном ориентире: “Чтобы мы знали, чего держаться, и не блуждали в потемках, отыскивая таинственные города в Азии или в Америке, в каком-нибудь Паленке...”; три города, ясно различимые на карте истории, служат неоспоримыми символами человеческого духа — Иерусалим, Афины, Рим. Три мистических города... Идеал должен сочетать в себе три признака — Истину, Красоту и Величие. Каждый из этих трех городов обладает одним из них. А все три вместе озаряют мир. Иерусалим славен Истиной. Именно там были изречены устами божественного мученика высокие слова: Свобода, Равенство, Братство. Афины породили Красоту. Рим — величие. Вокруг этих трех городов род человеческий достиг вершин своего развития. Они выполнили свою миссию. Ныне от Иерусалима осталась Голгофа, от Афин — руины Парфенона, от Ри-

1. Институт (*фр.* Institut de France) — официальное учреждение, объединяющее пять французских академий.

ма — призрак римской империи. Значит, эти города мертвы? Нет. Разбитое яйцо означает не смерть яйца, но жизнь вылупившейся птицы. Над этими разбитыми оболочками — Римом, Афинами, Иерусалимом — витает покинувший их дух. Над Римом — Мощь, над Афинами — Искусство, над Иерусалимом — Свобода. Величие, Красота, Истина. И ныне все они живут в Париже. Париж — результат сложения этих трех городов. Он отражает их свойства в себе одном. В чем-то он подобен Риму, в чем-то — Афинам, в чем-то — Иерусалиму. В крике распятого на Голгофе он услышал “Права человека”. Этот логарифм, выведенный из трех цивилизаций и сведенный в единую формулу, это проникновение Афин в Рим, а Иерусалима в Афины; эта высшая, сублимированная тератология¹ прогресса, тяготеющего к идеалу — все они породили этого монстра и создали этот шедевр — Париж.

1. Тератология — отрасль биологии, занимающаяся изучением уродств и аномалий и причин, их вызывающих.